

Независимая газ. - 1994. - 6 авг. - с. 5

Антонина Беляева

Зеркало

СКАЖИТЕ, вы удовлетворены своим появлением на экране после длительного перерыва?

— Безусловно, нет. Я люблю ту или иную передачу до тех пор, пока я над ней работаю. Можно ее бесконечно переделывать и улучшать. Нет предела совершенства, как мы знаем.

— Существует ли кризис телевизионной журналистики?

— Было время, когда вся страна жила от одного «Взгляда» до другого, от одной передачи «До и после полуночи» до следующей. Были политизированы «Политбюро», «Красный квадрат». Сейчас вся страна находится в кризисе. И телевидение не исключение. А для сегодняшней журналистики, и для тележурналистики в том числе, нет никаких точек отсчета. Нет никаких ориентиров, что хорошо и что плохо. И понятно, что вся эта тимуровская интеллигенция, вечно рыдающая, но не умеющая за себя постоять, ничего сама не производящая, может только ругать что-то. Я хочу, чтобы телевизионная критика была профессиональной. Я хочу делать лучше, и готов согласиться с подчас жесткими, может быть, обвинениями и критикой. Но то, что мне приходится читать, лишено хоть каких бы то ни было профессиональных критериев.

«Вот когда ты прыгал в прорубь и шапочку носил, вот это было здорово, а сейчас не то, не то». Вот и вся критика. Естественно, все меняется, и я меняюсь. Тогда (во времена «Взгляда») была интересна театрализованная журналистика. Сейчас это уже невозможно.

— Александр Любимов, когда его просят определить, что же такое телевидение, говорит, что это массовые коммуникации, божественный эфир... А для вас?

— Я очень просто могу ответить — это моя жизнь. Я о телевидении постоянно думаю. Я им живу и днем, и ночью. Для меня — это диалог, диалог с конкретным человеком, которого я чувствую. Это не московский «гнилой» интеллигент.

НЕ ТОТ ПОЛИТКОВСКИЙ

Когда выйдет следующая передача — неизвестно

Это человек, спокойно размышляющий о том, куда мы движемся. Нам необходимо сейчас, как мне кажется, остановиться и оглянуться на историю последних лет, начиная с 1985, а быть может, даже с 1991 года.

— Но это все общие слова. А ваши личные критерии каковы?

— У меня есть любимая передача — «Вокзал мечты». Ее мало кто знает — а жаль. Вот там есть режиссура, есть драматургия, есть прекрасный ведущий, действительно интеллигентный, образованный человек, способный говорить на любую тему. Его свобода ничем не ограничена.

На НТВ — прекрасные новости. И все остальные новостные программы очень проигрывают. Вот пример: стартовал космический корабль с казахским космонавтом на борту. В этот день я смотрел разные программы. НТВ эту новость переносит во вторую часть программы. А другие каналы — дают в первой части. Новости «Останкино» с этого начинаются. Все как в добрые времена — кремлевские новости — «новая победа в космосе».

У моего близкого друга растет маленький сын, который только-только начинает говорить. И когда его спрашивают, как его зовут, он отвечает: «МММ». Это же ужас...

Коммерциализация телевидения очевидна. Заказные сюжеты в передаче видны зачастую невооруженным взглядом.

Но и этого мало. Я хотел бы вернуться к своей передаче. Я не претендую на прямой эфир, хотя и умею в нем работать. Просто очень хочется поехать по стране, поговорить с людьми, понять, что же происходит за пределами Садового кольца. Но всякий раз, когда я готовлю передачу, от меня требуют, чтобы я показал ее до эфира. Чем не Главлит?

— Но ведь сегодняшняя модель покупки программ «Ос-

танкино» представляет собой уже другой диктат. Не идеологический, а экономический. Вашу, например, программу могут и не купить.

— Тоже верно. Могут и не купить.

— Как вы выбираете ваши темы?

— Выбираю то, что мне интересно в окружающей жизни. Я случайно познакомился с человеком, который профессионально занимается уральскими

изумрудями. Мне стало интересно. Постепенно, в процессе работы выявился огромный комплекс проблем, связанных с уральским месторождением.

В передаче, посвященной различным религиозным сектам, я не занимался исследованием их деятельности, а попытался исследовать само явление. А тема возникла из каких-то разговоров, газетных публикаций. Герой, который выступает в моей передаче, должен быть прежде всего интересен мне. Я не умею играть в журналистику, не умею прояслять псевдоинтерес. У меня бы и не получилось.

— У вас большая группа?

— Передачу делают человек шесть. Мне очень нужны корреспонденты, потому что пока творческой частью программы я занимаюсь один.

Расставание с той группой, которая работала в старом «Политбюро», было, безусловно, болезненным, но многие журналисты гораздо больше любят себя в журналистике, а не наоборот.

Я всегда сомневаюсь, интересно ли мое мнение телезрителям. Если сомнения нет, а есть творческая наглость — на вы-

ходе, как правило, ноль.

— Вы не боитесь за свое будущее?

— Нет. Я не планирую его жестко. Скажем, на пять лет вперед.

Наверное, буду стареть, и все равно искать новую тему, работать над новыми проектами. Быть может, уже как продюсер. Хотя это мне не очень интересно.

— А будущие ваши передачи, о чем они?

— Я пока, к сожалению, ничего не могу сказать определенного. Вот выпустил июльскую передачу, а будет ли эфир в августе, сказать уверенно не могу. «Останкино» делает все, что хочет. Хотя подписан договор, и теоретически пятого августа моя программа должна выйти в эфир. Насколько я знаю, все августовские передачи, и мои, и Саши Любимова, руководство «Останкино» хочет из эфира снять. Телекомпания «ВИД» не имеет своего собственного канала, и естественно зависит от государственного телевидения.

— А у вас никогда не возникало желания прибиться к какой-нибудь политической группе? Может, тогда было бы легче?

— Нет, никогда. После событий 3—4 октября один известный политик мне сказал: «Вы ни с кем не играете, вот и получили». Пусть так.

Я переживал в своей жизни и не такое. Выдержу и на этот раз.